

Следователю (в суд) _____

_____

_____

ащитника _____,

адрес: _____

тел. _____

в интересах _____

ХОДАТАЙСТВО **(в порядке ст. 119, 120 УПК РФ)**

В материалах уголовного дела № _____ имеется протокол осмотра места происшествия — (автомобиля, квартиры, помещения..и т. д.... Указанный протокол получен с нарушением уголовно-процессуального закона и, соответственно, не отвечает предъявляемому к доказательствам требованию допустимости.

Из протокола осмотра места происшествия усматривается, что в производстве следственного действия принимал участие Р. При этом процессуальный статус Р. составителем протокола не определен. Между тем на момент производства осмотра места происшествия Р. фактически являлся подозреваемым в конституционно-правовом смысле данного понятия. Соответственно, Р. был лишен фундаментального конституционного права при производстве следственного действия, в ходе которого давал пояснения по существу инкриминированного впоследствии деяния, — на получение квалифицированной юридической помощи.

Только участие в следственном действии защитника, допущенного с соблюдением норм процессуального закона (в данном случае — в порядке п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), могло бы стать гарантией от признания данного доказательства в дальнейшем недопустимым. Однако защитник подозреваемому Р. предоставлен не был, а, следовательно, использовать процессуально дефектные результаты осмотра в процессе обоснования обвинения по настоящему делу недопустимо.

Поверхностный и поспешный вывод о том, что Р. на тот момент на самом деле не имел процессуального статуса, гармонично опровергается как фактами дела, так и ясными требованиями взаимосвязанных законоположений.

С одной стороны, на момент начала осмотра места происшествия Р.уже был «захвачен с поличным» как посредник при передаче взятки.

С другой стороны, сущностные признаки подозреваемого неоднократно получали свое толкование в общеобязательных и сохраняющих свою силу решениях Конституционного Суда РФ.

«Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 года по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР, в целях реализации конституционного права подозреваемого, обвиняемого на помощь адвоката (защитника) необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. Факт такого преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него.

Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом в отношении него подозрении или обвинении и, следовательно, эффективно защищаться, а также гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (статья 50, часть 2, Конституции Российской Федерации).»

«Конвенция (О защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950) должна толковаться так, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права (см. помимо прочих Решения по делу "Артико против Италии" от 13 мая 1980 г. Серия А, т. 37, с. 16, п. 33, делу "Серинг против Соединенного Королевства" от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 161, с. 34, п. 87, и делу "Круз Варас и другие против Швеции". Серия А, т. 201, с. 36, п. 99).»

При этом, вне всяких сомнений, никакой реальной возможности воспользоваться помощью защитника Р. предоставлено не было.

« ... как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, выявленный им при проверке конституционности нормативных положений их конституционно-правовой смысл является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в законодательной и правоприменительной практике, что следует из статьи 125 (части 4 и 6) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее статей 6, 36, 74, 75, 79–81, 86, 96, 97, 99 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации". Правоприменительные решения, основанные на акте, которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции или арбитражный суд придал истолкование, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат пересмотру в порядке, установленном законом (Постановления от 25 января 2001 г. № 1-П, от 27 февраля 2003 г. № 1-П).»

При таких обстоятельствах отказать в удовлетворении данного ходатайства можно только, проявив правовой нигилизм и отрицая принцип верховенства закона.

В связи с вышеизложенным, в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, а также со ст. 7, 17, 75, 88 УПК РФ, прошу признать протокол осмотра места происшествия от 30.09.200_ недопустимым доказательством, исключив из перечня доказательств, подлежащих включению в обвинительное заключение.

« ___ » _____ 200_ г.

С уважением,

защитник (адвокат) _____